

Цзян Цзыюнь казалось это верхом иронии: те самые мужчины, что на людях корчили из себя благородных мужей, стоило ей поманить пальцем, прибегали по первому зову. Порой хватало всего одного сообщения, чтобы затащить их в отель.

Сяо Чэнгун узнал об этом, и его сердце наполнилось болью и горечью — ему казалось, что Цзян Цзыюнь так мстит ему. Хотя он сам ей изменял, в прошлом, когда они были вместе, в его чувствах всё же оставалась доля искренности. Если бы она ему не нравилась, стал бы он добиваться её снова и отнюдь не бросать после стольких отказов? Но любовь прошла, и с этим ничего нельзя было поделать. Раньше ему уже доводилось расставаться с девушками, но столь бурной реакции он видел впервые. Можно сказать, что Сяо Чэнгун испугался до полусмерти. Ему казалось, что он сломал жизнь девушке.

Однако он заблуждался, глубоко заблуждался. Цзян Цзыюнь вовсе не собиралась ему мстить — если говорить точнее, она просто отчаялась в жизни. Из-за слишком сильной любви и слишком глубоких ран она потеряла всякую надежду, а потому скатилась по наклонной.

Обнаружив, что беременна, Цзян Цзыюнь пала духом еще сильнее и целыми днями напивалась до беспамятства. От отчаяния она привлекала мужчин в ночных клубах, на улицах и прямо в колледже, а затем продавала свое тело всего за тридцать юаней за раз.

Даже на седьмом месяце беременности она продолжала торговать плотью. Сяо Чэнгун, ловя на себе вороватые взгляды окружающих, чувствовал себя крайне странно, а когда слышал от посторонних, что Цзян Цзыюнь продается по тридцать юаней, даже не поверил. Он думал, что кто-то злонамеренно распускает грязные слухи и клеветает на неё, ведь в его сердце Цзян Цзыюнь навсегда осталась чистой и недосягаемой, словно лунный свет. Но когда он разыскал её, Цзян Цзыюнь с выпирающим на семь месяцев животом неизвестно от кого кувыркалась в грязной съёмной квартире с каким-то заплывшим жиром мужиком.

Сяо Чэнгун был убит горем, по-настоящему убит горем: одно время он даже страдал тяжелой депрессией. Ему ведь едва перевалило за двадцать, и он искренне верил, что разрушил жизнь молодой девушке. Помогла Цзян Цзыюнь разрешиться от бремени и ухаживая за ней в период восстановления после родов, он попытался исправить всё предложением руки и сердца, но Цзян Цзыюнь отказалась, продолжая слепо катиться в пропасть. Сгорая от боли, он оставил ей огромную сумму денег, а затем сбежал за границу и больше никогда не возвращался.

Истинный владелец тела был тем самым ребенком, которого родила Цзян Цзыюнь. Поскольку отец оставался неизвестным, а признавать бастарда никто не желал, мальчику пришлось мыкаться вместе с Цзян Цзыюнь.

Из-за дурной славы Цзян Цзыюнь исключили из колледжа, так и не дав закончить учебу. Впрочем, диплом был ей без надобности — она продолжала промышлять продажей тела. И вовсе не ради денег, да и заработать на этом было трудно — иначе с чего бы ей брать всего по тридцать юаней? Это был лишь способ покарать саму себя за то, что она так сильно любила Сяо Чэнгуна и оказалась преданной. Потеряв любовь, она потеряла веру во всё на свете.

Сяо Хэ считал, что люди, готовые умирать от тоски из-за какой-то любви — те еще бездельники.

Родители Цзян Цзыюнь были университетскими профессорами. Отец скончался от сердечного приступа, не перенеся её выходки, а мать отреклась от дочери и оборвала все связи. С самого детства у настоящего владельца тела не было никого из близких, кроме Цзян Цзыюнь. Когда мальчику исполнилось двенадцать, она велела ему бросить школу и отправиться вместе с ней зарабатывать блудом.

Он прекрасно понимал, чем занимается Цзян Цзыюнь. Росший под непрерывными тычками, насмешками и злыми языками, он обладал чуткостью острее, чем у кого-либо другого. Парню казалось, что его мать — безумица, а разделять её безумие он, разумеется, не хотел, поэтому разыскал бабушку, которую никогда прежде не видел. Мать Цзян Цзыюнь сжалилась над внуком, а еще испугалась, что эта сумасшедшая дочь заставит мальчика в столь юном возрасте заниматься грязным ремеслом, и тайком забрала Сяо Хэ к себе.

Цзян Цзыюнь сочла это очередным предательством и пустилась во все тяжкие, порой отдаваясь вовсе бесплатно, лишь бы опуститься еще ниже.

Разумеется, такая жизнь не сулила ничего хорошего ни мальчику, ни его бабушке. Старуха и ребенок влачили жалкое существование под непрерывный шепоток и насмешки окружающих. Из-за скандала с дочерью бабушку давным-давно уволили из университета, и ради куска хлеба и содержания внука ей пришлось взяться за самую грязную работу уборщицы. Как-то раз она сказала Сяо Хэ, что вся её жизнь прошла в лишениях, и если бы не необходимость вырастить его, она бы давно удавилась — хотя бы обрела наконец покой.

Что ж, Сяо Хэ даже не знал, что на это ответить. Оказавшись в теле прежнего владельца, он чувствовал лишь глухое раздражение, тем более что жизнь у того была не сахар.

Парень учился превосходно и неизменно занимался на первом месте по потоку. Тем не менее его постоянно травили, да и учителя с родителями одноклассников смотрели на него свысока — и всё из-за его мамы. Эта Цзян Цзыюнь тоже была той еще... штучкой со специфическим характером. Другие люди стараются прятать подобные дела за семью печатями, а она — напротив, умудрилась прославиться на всю округу. И пусть она не выставляла свои грязные тайны напоказ, но и не скрывала их вовсе — нет, мысль о маскировке ей вообще не приходила в голову. После того как дед мальчика умер от разрыва сердца, все тяготы и страдания легли на плечи Сяо Хэ и его бабушки. Старуха часто повторяла, что смерть, пожалуй, была бы лучше жизни, и неизменно причитала, что если бы не внук, она бы давно отправилась вслед за своим стариком.

Мальчик с детских лет терпел издевательства, и Сяо Хэ даже смотреть не мог на все выпавшие на его долю гадости — оставалось только удивляться, как тот вообще выжил. Его судьба оказалась куда страшнее собственного прошлого, когда его преследовала Одержимость Богом неудач: пусть тогда невезение и подкрадывалось исподтишка, здесь же напасти били открыто, и не нашлось ни единого человека, который не попытался бы унижить сироту.

Вырасти в подобной обстановке и не сойти с ума — уже само по себе свидетельство невероятной внутренней силы.

Сяо Хэ вернулся в класс, где как раз шла вечерняя самоподготовка. К счастью, классный руководитель отсутствовал, и он поспешил юркнуть на свое место. По дороге какой-то парень подставил ему подножку, Сяо Хэ растянулся на полу, вызвав взрыв гомерического хохота всего класса. Добежав до парты, он сунул руку в выдвижной ящик и, вполне ожидаемо, нащупал там целый ворох мусора вместе с разорванной на мелкие кусочки свежей тетрадь по математике, за которую прежний хозяин тела получил высший балл.

Посмотрев на обрывки бумаги, Сяо Хэ тяжело вздохнул, после чего принялся аккуратно, кусочек за кусочком, склеивать их скотчем. Наконец, бережно прижимая к груди исписанный на отлично лист, он почувствовал, как в душе смешались самые разные эмоции.

Такой умный и старательный парень наверняка добился бы успеха в жизни. Сяо Хэ искренне восхищался прежним владельцем тела: умудриться выжить и не сломаться в столь кошмарных условиях, цепляясь за жизнь с упорством неубиваемого таракана и обладая железной волей — это действительно вызывало уважение. На месте парня Сяо Хэ, пожалуй, сдался бы давным-давно.

На следующем уроке математики учитель стал разбирать контрольную. Заметив, что Сяо Хэ вновь написал работу на максимум, он велел ему выйти к доске и расписать ход решения последней задачи. Сяо Хэ поднялся со своим листком под шепоток всего класса. Бросив взгляд на потрепанную бумажку в руках ученика, преподаватель пришел в ярость, решив, что тот больше не намерен учиться, и выставил его в коридор до конца урока.

Когда Сяо Хэ вышел и прикрыл за собой дверь, в классе раздался дружный смех, а следом посчастливилось услышать зычный окрик математика: «Тишина!»

Прозябая на холодном ночном ветру, Сяо Хэ тайком проскользнул в туалет.

Заперевшись в кабинке, он извлек на свет улучшенную версию проклятия от Президента. Сяо Хэ слегка качнул маленький зеленый флажок, внутри которого перекачивался белый рисовый шаболок. Тот недовольно пискнул, выражая крайнее раздражение из-за того, что его потревожили посреди сна.

[Система: На самом деле малыш Неудачник такой милый, правда же?]

— Тц, — холодно усмыслился Сяо Хэ. — Поменяйся с ним местами, и ты бы запел иначе.

[Система обольстительно произнесла: Давай попробуй! Это же усовершенствованная версия, над которой Президент ломал голову несколько ночей подряд.]

Вспомнив, какое удобство приносил Бог неудач в прошлом задании, Сяо Хэ засомневался и, поддавшись на уговоры системы, швырнул его вперед: «В бой, Пикачу... то есть, в бой, малыш Неудачник!»

...

Мгновение спустя из туалета донесся душераздирающий вопль. Глядя в зеркало на собственное отражение с торчащей из макушки ярко-розовой антенной, Сяо Хэ неверующим голосом выдавил: «Почему?!»

Система от испуга предпочла забиться в угол. Услышав чьи-то шаги, Сяо Хэ в панике метнулся обратно в туалетную кабинку. Угрожающе занеся над унитазом умные часы, в которые вселилась система, он процедил сквозь зубы ментальную угрозу: «Вылезай».

[Система неловко хихикнула: Хе-хе-хе, не сердись ты так.]

Сяо Хэ ткнул пальцем в розовую антенну на голове и взревел: «Как тут не сердиться?! А ну-ка выкладывай, какого черта это такое?!»

[Система с деревянной ухмылкой пояснила: Президенту показалось, что просто бросать предметы — слишком просто, проще пареной репы, да и недостаточно круто. Вот он и решил добавить изюминку. К тому же, он прикинул, что тебе вряд ли понравится трансформация с танцами голышом или примеркой платиц, поэтому...]

Не дожидаясь, пока система договорит, Сяо Хэ разразился бранью: «Поэтому присобачил мне антенну?! Твою мать, я бы лучше женское платье надел! И с каких пор она розовая?!»

[Система изумленно протянула: Да ладно? Оказывается, тебе по душе превращения в платьицах? Почему же сразу не сказал, Президент зря старался получается.]

— Заткнись! Я вообще не собирался ни в кого превращаться, да и с какой стати?! Разве было плохо просто тихонько бросать вещицу, как раньше?

[Система скривила губы: Разве можно просто бросать? На тебе ведь ни единого изменения. Как окружающие поймут твою особенность? Как они оценят твою уникальность? Посмотри телевизор, там все главные герои перед выходом трансформируются.]

Сяо Хэ чуть не сыграл в ящик от злости: «С какой стати мне нужно, чтобы это видели окружающие?! Какого чёрта, да кому сдалось это ваше внимание?!»

[Система обиженно пробормотала: Ладно-ладно, хватит буянить. Вернемся — попросишь Президента, он всё переделает.] Сяо Хэ уже успел раскусить их натуру и мрачно проговорил:

— Женская одежда тоже не пойдет.

Система очень долго колебалась, прежде чем кивнуть. Сяо Хэ и не думал, что система на полном серьезе рассматривала такой вариант — похоже, он все это время недооценивал их.

Проведя в туалете еще час, Сяо Хэ наконец почувствовал, как торчащая у него на макушке антенна опала. Прикинув, что уже закончились уроки, Сяо Хэ шмыгнул в класс, собрал свои тетради и помчался на выход, ни с кем не заговорив. Несколько парней попытались его задержать; Сяо Хэ понятия не имел, что им от него нужно, но ничего хорошего это точно не сулило, поэтому он просто ловко увернулся и обошел их стороной.

У школьных ворот, нарушая все привычные порядки, стоял черный роскошный автомобиль лимитированной серии, привлекая всеобщее внимание — прохожие то и дело останавливались, с любопытством разглядывая машину.

Когда Сяо Хэ проходил мимо, из лимузина внезапно выскочили несколько человек, преградили ему путь и потребовали сесть внутрь. Сяо Хэ поначалу хотел скрыться, но, послушавшись уговоров системы, все-таки забрался в салон.

Система пояснила: из-за действия Одержимости Богом неудач кровный папаша оригинала, воротила шоу-бизнеса и по совместительству лучший дружок первой любви Цзян Цзыюнь, месяц назад совершенно случайно раздробил свои бубенцы, а его единственный сын отдал Богу душу прямо на женском животе, из-за чего у огромной бизнес-империи остался всего один наследник — Сяо Хэ.

Сяо Хэ лишился дара речи:

— Погодите, тут же временная шкала не сходится! Этот мини-инструмент под названием Одержимость Богом неудач я применил только что.

[Система самодовольно пояснила: в этом и заключается сила Одержимости Богом неудач после повышения уровня самого Президента! Ну как? Круто? Хочешь, чтобы кого-то постигла неудача — и она постигает ровно тогда, когда тебе нужно.]

Сяо Хэ выдал краткое «мощно», после чего его, пребывающего в полном недоумении, чинно препроводили в машину.

Этот дармовой папаша оригинала, Ци Цзиньянь, занимал пост президента AS Entertainment. Более десяти лет назад открыть развлекательную компанию в самом сердце столицы — это уже о многом говорило, наглядно демонстрируя всю глубину и солидность его связей. Да и сам Ци Цзиньянь обладал недюжинными смекалкой и решимостью; спустя больше десяти лет его боевой дух и амбиции не только не увяли, но лишь разгорелись с новой силой, заставляя желать превращения AS Entertainment в лучшее агентство страны. И AS Entertainment его не разочаровало: эта темная лошадка уверенно шла к тому, чтобы обойти двух главных гигантов индустрии — Emperor Entertainment и ES Media Group.

И хотя его единственный сын вел себя в личной жизни несколько сомнительно, его деловые способности признавали абсолютно все. И тем не менее он умудрился сгореть на работе в постели, будучи буквально выжатым женщиной досуха... Ци Цзиньянь заявлял, что готов лопнуть от злости. Впрочем, тех непутевых моделек, что выжали из его сына все соки, он преследовать не стал: раз собственный отпрыск оказался бездарен, винить некого.

К тому же завести второго ребенка нынче вполне реально, он вполне мог настрогать малыша с нынешней женой. Ну или завести пару-тройку молодых любовниц — неужели стоит переживать о нехватке наследников?

Однако в конце концов стряслась беда: его драгоценные бубенцы раскололись вдребезги. От одной мысли об этом у него до сих пор щемило сердце. Ци Цзиньянь окинул взглядом лежавшие на столе бумаги и, нахмурившись, спросил помощника:

— Ты хочешь сказать, что этот Сяо Хэ — мой сын?

— Да, у него взяли образец волос и провели ДНК-тест. Он действительно ваш сын.

Ци Цзиньянь тяжело вздохнул, нахмурившись еще сильнее, и с унылым выражением лица затянул сигарету:

— Но ведь та баба — такая дрянь, я до сих пор ее помню, да к тому же с прибабахом. Бросил ее мужик, так она начала бегать за каждым встречным. Смех да и только. Если бы тогда не ее девственность, я бы даже мараться не стал.

— И каково же ваше решение?

— Приведи его сюда, пусть поживет, проверим. Но чтобы эта баба не смела иметь ко мне никакого отношения. До чего же противно, блин. — Ци Цзиньянь с раздражением затушил сигарету в пепельнице.

После того как Сяо Хэ привезли в особняк семьи Ци, он очень скоро оттуда сбежал. Причиной тому стали презрительный взгляд самого Ци Цзиньяня и полная ненависти физиономия его благоверной. Ему даже не разрешали открывать рот, словно одним своим голосом он мог отравить воздух. Когда он назвал Ци Цзиньяня «господином Ци», тот лишь брезгливо закатил глаза — немудрено, что при более долгом пребывании там он бы окончательно вывернул душу наизнанку от общения с этим семейством. Впрочем, Сяо Хэ и сам не горел желанием там оставаться, а Ци Цзиньянь испытывал к нему точно такое же омерзение, даже запретив садиться с ними за один стол — да он и сам бы не стал! От одного вида морщинистых физиономий Ци Цзиньяня и его жены кусок не лез в горло. Вот так Сяо Хэ и вернулся обратно в школу.

Поскольку тем вечером многие ученики видели, как Сяо Хэ куда-то увезли, в школе тут же поползли всевозможные слухи. Самой популярной версией было то, что мать Сяо Хэ закрутила роман с богатым старым хрычом, который и забрал их к сытой жизни. А стоило Сяо Хэ вернуться, как сплетники тут же переобулись, заявив, что богатый старик пресытился матерью

парня, и желающих поиздеваться над Сяо Хэ стало только больше.

Уходя, Сяо Хэ все же заглянул к бабушке оригинала и обо всем ей рассказал. Старуха отнеслась к этой затее крайне скептически, даже несмотря на то, что у того влиятельного человека остался единственный наследник в лице Сяо Хэ.

— Хоть его сынок и отдал концы, пока у этого мужика целы яйца, недостатка в наследниках не будет, так что твои шансы выбиться в люди ничтожно малы, — по-доброму отговаривала бабуля оригинала. — Так что, Хэ-хэ, возвращайся-ка ты к старухе, будем жить по-старому. Не забивай себе голову всякой ерундой. Сяо Хэ немного колебался: в конце концов, он же не мог заявить бабушке первоначального владельца тела, что у ее приبلудного зятя яйца всмятку разбиты. К тому же, если бы она спросила, откуда он об этом узнал, что бы он ей ответил?

По сравнению с презрением и отвращением со стороны всех членов семьи Чжоу, он предпочел бы вернуться в школу и терпеть издевательства. По крайней мере, с его нынешними силами он уже не был бы беспомощным мальчиком для битья, каким в детстве был прежний владелец тела. Но жить под презрительными взглядами людей из семьи Чжоу — у него пока не была настолько толстая кожа, он бы этого не вынес.

На уроке математики Сяо Хэ внимательно слушал объяснения, как вдруг в спину кольнуло. Он быстро обернулся и увидел, что сидящий сзади парень крутит в руке циркуль. Заметив, что Сяо Хэ повернулся, тот с вызовом выругался:

— Че устался, продажная ты шлюха?

Несколько девочек, сидевших рядом с ним, хихикнули.

— Еще раз оглянись — глаза выковырную, мразь, — пригрозил этот парень.

Девушки рядом захихикали еще громче, словно Сяо Хэ был каким-то цирковым паяцем.

Сяо Хэ отвернулся и продолжил слушать учителя, однако рука, машинально замершая над тетрадью, выдавала его далеко не самое спокойное состояние.

Спину снова пронзила боль. Сяо Хэ огрызнулся:

— Ты больной, что ли?

— Повтори, что сказал, — парень ткнул пальцем в нос Сяо Хэ.

Вокруг раздался еще более громкий смех. В этот момент в Сяо Хэ прилетел кусок мела, и низкорослый пухлый классный руководитель заорал:

— Сяо Хэ, если не хочешь слушать — вали нахрен из класса! Зачем приперся в школу, если учиться не желаешь? Только деньги отца и матери переводить.

Весь класс грохнул от хохота, а парень, сидевший за Сяо Хэ, от смеха даже согнулся пополам,

упершись лбом в парту.

Сяо Хэ попытался оправдаться, указывая на парня позади:

— Он тычет мне в спину циркулем!

Парень, продолжая ржать, сквозь смех выкрикнул:

— Ничего подобного! — после каждого слова ему приходилось хвататься за живот.

— Сяо Хэ, на выход, — холодно бросил классный руководитель.

— Ты с матушкой своей одного поля ягоды, твари конченные, — презрительно бросил парень с задней парты, когда Сяо Хэ проходил мимо его стола.

Сяо Хэ тут же влепил ему удар кулаком, свалив обидчика с ног, и, целясь прямо в живот, принялся лупить в самые уязвимые места. Тут же подскочили другие ученики, чтобы их разнять. Несколько парней скрутили Сяо Хэ руки, а тот самый парень, которого только что от души отлупил Сяо Хэ — не имея до этого никакой возможности дать отпор, — словно обретя опору, со всего маху врезал Сяо Хэ в живот.

Сяо Хэ, разумеется, не собирался позволять ему безнаказанно бить себя, но его руки держали несколько человек, и двигаться было крайне неудобно. Тем не менее, в момент удара он тоже закинул длинную ногу и отвесил противнику свирепый пинок. Лучшая защита — это нападение; бесстрашная манера боя Сяо Хэ напугала парня, и тот постепенно начал сдавать позиции.

Лишь когда классный руководитель встал между ними, та драка наконец прекратилась. Убедившись, что противник больше не смеет лезть в драку, Сяо Хэ воспользовался моментом и отвесил ему еще парочку увесистых пинков, прежде чем остановиться.

— Сяо Хэ, если не хочешь учиться — так и скажи! Ты додумался устроить драку прямо в классе! Немедленно приведи сюда свою мать! — взревел разъяренный классный руководитель.

Из учительской то и дело высовывались любопытные головы преподавателей, прислушивавшихся к происходящему.

— А бабушка подойдет?

— Проваливай! Должна прийти именно мать. Дело серьезное, школа вполне может тебя отчислить.

Классный руководитель с силой хлопнул ладонью по столу.

— Настолько серьезное? — Сяо Хэ нахмурился.

Почему-то раньше, когда те ублюдки избивали прежнего владельца тела, никому до этого не было дела, а стоило ему один раз дать отпор — и его сразу грозят исключить?

— Похоже, ты до сих пор не осознал свою ошибку. Ступай напиши объяснительную, — классный руководитель сделал большой глоток из чашки с чаем, изображая крайнюю степень негодования и разочарования.

— А на сколько слов должна быть объяснительная?

Услышав это, классный руководитель с грохотом швырнул чашку на стол:

— Похоже, ты и вправду не осознал свою ошибку! Ты еще смеешь спрашивать, сколько слов в ней должно быть? Ты ни черта не понял, для тебя это просто очередная повинность!

Сяо Хэ молча уставился на него...

Сяо Хэ провозился в учительской добрых полтора часа, пытаясь выдавить из себя хоть что-то, и в итоге наскреб едва ли тысячу слов. Когда он протянул исписанные листы классному руководителю, тот бросил на них беглый взгляд, затянулся сигаретой и с ухмылкой произнес:

— Не так это пишется.

Остальные учителя в учительской посмеивались, наблюдая за представлением. Лицо Сяо Хэ пылало от стыда, но он изо всех сил старался держать лицо:

— Разве?

Хотя в памяти прежнего владельца и не было опыта написания объяснительных, сам Сяо Хэ в прошлой жизни был настолько невечлив, что написал их черт знает сколько штук.

Классный руководитель сунул исписанные листы обратно Сяо Хэ в руки и, ничего не объясняя, продолжил молча курить, хмуро затягиваясь. Сяо Хэ стоял посреди учительской, чувствуя себя донельзя неловко, и в конце концов, не найдя другого выхода, снова положил объяснительную перед учителем. Тихонько спросив:

— А где я ошибся? — он тут же попытался оправдаться: — Да я вот так всегда и писал.

Вообще-то Сяо Хэ был из тех парней, что пасуют перед трудностями, в глубине души он оставался послушным учеником и панически боялся учителей.

Классный руководитель с грохотом швырнул отчет обратно на стол:

— Все еще вот так вот писал! Именно что вот так вот писал!

Затем он грубо дернул Сяо Хэ за рукав, ткнул пальцем в бумагу и рявкнул:

— Ты посмотри, что ты тут накарябал! Ты хоть где-нибудь написал, в чем конкретно твоя вина?

<http://bllate.org/book/21670/2235748>